

Памяти протоіерея о. Александра Георгіевича Матвѣвскаго.

20 ноября, въ три часа по полудни, скончался протоіерей о. А. Г. Матвѣвскій, на 61 году жизни, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ пораженный параличемъ.

Александръ Георгіевичъ на второмъ году жизни остался отъ родителей и попалъ въ домъ дяди своего эконома Екатеринославской Духовной Семинаріи, Сильвестра Матвѣвскаго, чловѣка

черствого, сурового. Всѣмъ, прошедшимъ семинарскую школу въ бытность при ней „эконома Сильвестра“, послѣдній достаточно извѣстенъ, какъ лучшее типическое воспроизведеніе гоголевскаго Плюшкина. Много горя вынесъ А. Г. въ домѣ дяди. Что родственныя чувства дяди были не особенно глубоки, видно изъ слѣдующаго. Случилось Малюткѣ Александру сильно заболѣть, и дядя Сильвестръ не задумался выгнать несчастнаго изъ дому. Но десница Божія привлекла къ сироткѣ состраданіе чужихъ для него людей и спасла жизнь страдалца. А. Г. былъ опредѣленъ въ училище также стараніемъ добрыхъ, хоть и чужихъ ему, людей. Съ усердіемъ окончивъ училище, А. Г. перешелъ въ Семинарію. Въ Семинаріи А. Г. всегда отличался трудолюбіемъ и аккуратностью въ исполненіи своихъ обязанностей, умѣлъ заслужить довѣріе начальства, благорасположеніе и любовь товарищей. Господь надѣлилъ А. Г. чуднымъ голосомъ (basso). Въ пятидесятыхъ годахъ А. Г. вмѣстѣ съ блаженной памяти И. Ю. (впослѣдствіи протоіереемъ г. Мариуполя о. Илією Юрьевымъ) составляли красу архіерейскаго хора. А. Г. былъ истый любитель и цѣнитель пѣнія и обладалъ чуднымъ свойствомъ голоса: чѣмъ болѣе пѣлъ о. Александръ, тѣмъ большую интенсивность, гибкость и колоритность обнаруживалъ его могучій голосъ.

Первымъ мѣстомъ служенія о. Александра была Авдѣвка (1861 г.), въ то время приходъ бѣдный, далеко необеспечивавшій приходскаго священника. о. Александру приходилось землѣдѣльческимъ трудомъ восполнять скудные средства къ жизни. Постановленный въ необходимость добывать средства для многочисленной семьи физическимъ трудомъ, о. Александръ не уклонялся отъ главной задачи пастыря служить пасомымъ: для просвѣщенія деревенскихъ ребятшекъ о. А. въ церковной сторожкѣ открылъ школу и самъ велъ въ ней обученіе крестьянскихъ дѣтей. Трудно приходилось многосемейному о. Александру въ бѣдномъ приходѣ; но не любилъ онъ мѣнять приходы и прослужилъ въ Авдѣвкѣ 22 года. И только, когда подросшія дѣти потребовали средствъ для воспитанія (у о. А. въ живыхъ 10 сыновей и 2 дочери), о. А. долженъ былъ перейти въ лучшій приходъ, новооткрытый въ 1883 году въ м. Юзовкѣ. При вступленіи въ приходъ о. Александра, храма не было въ Юзовкѣ. Для молитвеннаго объединенія православныхъ рабочихъ о. А. сталъ въ своей квартирѣ совершать въ воскресные и праздничные дни всенощное бдѣніе. Вторая половина того-же зданія служила мѣстомъ собранія евреевъ на молитву.

Тяжела и малозначуща въ то время была роль священника на Юзовкѣ. Но о. Александръ искусомъ жизни пріобвыкъ побѣждать житейскія невзгоды: тяжелымъ, но ровнымъ и спокойнымъ шагомъ онъ шелъ къ намѣченной цѣли. Господь скоро указалъ своему служителю средства и пути для устройства храма. Съ устройствомъ послѣдняго пастырскій взмахъ о. Александра становился шире и вообще открывался большой и большой просторъ для пастырскаго дѣла. И чѣмъ больше поле открывалось для дѣятельности, тѣмъ съ большимъ усердіемъ и настойчивостью о. Александръ водружалъ въ новомъ приходѣ знамя достойнаго пастыря. Состоя изъ разнаго пришлаго люда, живущаго среди иновѣрцевъ, приходъ Юзовка предъявляетъ приходскому пастырю особыя требованія. И интеллигенты, и еще болѣе полунинтеллигенты, и особый типъ „заводскаго рабочаго“ требуетъ отъ пастыря осмотрительности въ словѣ и дѣлѣ и особаго вниманія къ себѣ и всему окружающему. Все это хорошо понялъ о. А. при вступленіи въ приходъ Юзовки. И уже преполовившуся дню жизни о. А. (ему было болѣе 45 лѣтъ) работалъ надъ собой, не разставаясь съ книгой и стараясь усовершенствовать себя въ болѣе и болѣе достойномъ служеніи Господу. Всякій значительный случай изъ приходской жизни для о. А. былъ предметомъ пастырскаго назиданія. Но назидая своихъ пасомыхъ словомъ, о. А. горяздо болѣе назидалъ ихъ своею жизнью: всегда трезвый, трудолюбивый, ставившій выше всего исполненіе пастырскихъ обязанностей, о. Александръ уважалъ достоинство человѣка и въ сослуживцѣ своемъ и въ каждомъ прихожанинѣ, и потому всегда былъ справедливъ, ласковъ, снисходителенъ и отзывчивъ къ нуждамъ другихъ. Ни изъ членовъ клира, ни изъ прихожанъ никто не помнитъ, чтобы о. А. выходилъ изъ себя въ раздраженіи или оскорбилъ кого-нибудь словомъ.

Сознавая высоту пастырскаго служенія и отвѣтъ предъ Богомъ и обладая счастливымъ здоровьемъ, о. Александръ исполненіе своихъ обязанностей доводилъ до подвига. Первые пять лѣтъ по переходѣ въ Юзовку о. А. былъ одинъ въ приходѣ. Ему приходилось дѣлать дѣло, которое теперь раздѣляется между тремя священниками. Были случаи, когда о. А. по 24 часа проводилъ въ непрерывномъ трудѣ, не выходя изъ храма, вслѣдъ за богослуженіемъ отправляя обязанности духовника. Богослуженіе одного дня отъ богослуженія слѣдующаго въ такихъ случаяхъ для о. А. отдѣлялось лишь получасовымъ промежуткомъ времени, когда онъ въ изнеможеніи склонялъ голову на аналогій и тѣмъ подкрѣплялъ свои силы. Такъ было во время

холеры. Нужно быть искренно убѣжденнымъ въ святости своего дѣла, нужно обладать неборимой силой христіанскаго мужества, чтобы смиренному священнику съ крестомъ и евангелиемъ въ рукахъ, въ дни позорно пресловутаго Юзовскаго погрома-бунта (1892 г.), предъ разъяренной и опьянѣвшей отъ ожесточенія многотысячной толпой убѣжденныхъ бундарей выступить съ словомъ увѣщанія въ то время, когда озвѣрѣвшая толпа бросала всѣхъ несочувствовавшихъ адскому дѣлу въ пламя великаго пожарища, которое представляла въ то время изъ себя Юзовка. А о. А. въ тѣ страшные дни обнаружилъ всю мощь пастырскаго духа. И лишь глубокая преданность своему пастырю пасомыхъ могла изъять жизнь дорогого пастыря изъ челюстей смерти... Словомъ, о. А. былъ вѣрнымъ рабомъ Господу своему. И тотъ духовный образъ, какимъ жизнь достойнаго пастыря сфотографировала его въ сердцахъ прихожанъ, неизгладимъ на всю жизнь ихъ и, какъ святыни, будетъ передаваться потомству. Пастырскимъ усердіемъ о. А. созданы въ Юзовкѣ: величественный для трехъ престоловъ св. храмъ, церковь-школа, двѣ церковно-приходскія школы, конторская школа, организованы церк.-приходскія Попечительство и Братство и мн. др. Да, подвигомъ добрымъ о. А. подвизался и тѣмъ воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворенный. Не съ краснаго крыльца, незамѣченнымъ А. Г. вступилъ въ жизнь, за то напутствуемый молитвеннымъ благословеніемъ и благожеланіемъ и искренними слезами многихъ тысячъ людей изыде изъ сея юдоли въ домъ Отчій. Достоиню примѣчанія, что день Ангела и рукоположенія о. А. во іерея 23 ноября сталъ днемъ погребенія тѣла его. На долю рѣдкихъ изъ іереевъ выпадаетъ чествованіе, которымъ былъ почтенъ прахъ о. А. Къ часу выноса тѣла изъ убогой квартиры собралась многотысячная толпа почитателей, начиная отъ самаго г. Юза и до послѣдняго рабочаго. Тутъ были и евреи, и англичане. Вся эта масса народа провожала тѣло въ храмъ, плотной стѣной стояла въ храмѣ на заукокойной литургіи и при отпѣваніи тѣла и послѣ всего проводила тѣло до могилы. Въ отпѣваніи тѣла принимали участіе шесть священниковъ и три діакона. Особенно прочувствованнымъ, до слезъ умиленнымъ при погребеніи было чтеніе (сквозь слезы) діакономъ В. Цариненко изъ чинопослѣдованія стихирь по пѣвнѣ аллилуія и стихирь самогласныхъ. Послѣ заукокойной литургіи, предъ погребеніемъ священникомъ о. Н. Иваницкимъ было сказано слово на тему «блаженъ путь, въ онъ же идеши, душе». Послѣ канона сослуживецъ усопшаго, священ. о. Д. Кащенко напутствовалъ отошедшаго такимъ словомъ. „Еще не-

много времени, и твои бранные останки на вѣки закроются крышкой гроба и надъ тобою исполнится опредѣленіе Творца „земля еси“. Очами тѣлесными мы никогда не увидимъ тебя, но твой духовный образъ неизгладимо запечатлѣлся въ нашихъ сердцахъ: мертвый тѣломъ, ты духомъ живъ, витаешь среди насъ. Позволь-же, незабвенный, хоть слабымъ словомъ нарисовать твой образъ. Въ домѣ бѣдныхъ родителей ты явился на свѣтъ Божій; съ двухъ лѣтъ ты остался сиротою, предоставленный нуждѣ и лишеніямъ. И за школьной скамьей и по выходѣ изъ школы ты закалялъ себя въ трудѣ. Первая твоя нива, данная тебѣ Провидѣніемъ для пастырскаго воздѣлыванія, была запущена, на ней росли терніе и сорные травы. Терпѣливо, изъязвляя себя, ты разчищалъ ниву—твой приходъ, для сѣянія Христова. Языческіе обычаи, грубость нравовъ и пьянство въ твоей Авдѣевской паствѣ ты искоренилъ пастырскимъ твоимъ воздѣйствіемъ. Языкъ народнаго горя и нужды тебѣ весьма понятенъ: ты самъ вопросъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ нужды. Ты уяснилъ себѣ и причину народнои нужды—невѣжество народа. И потому всю жизнь велъ борьбу съ этимъ врагомъ народнаго благополучія. Вотъ одна изъ картинокъ такой борьбы въ Авдѣевкѣ. Ветхая и тѣсная избышка—церковная сторожка полна дѣтьми. Не говоря объ учебникахъ и принадлежностяхъ, школа бѣдна и свѣтомъ и воздухомъ и даже мѣстомъ для занятій учениковъ. Дѣти сидятъ на полу, а ты ихъ изустно и посредствомъ записи на классной доскѣ учишь, наполняешь юныя дѣтскія сердца живою водою, ученіемъ Христовымъ. 22 года усиленнаго твоего труда въ Авдѣевкѣ не прошли даромъ: твои прихожане оцѣнили твой трудъ, оцѣнили тебя; они живутъ твоимъ ученіемъ, твоими завѣтами и теперь еще, черезъ 15 лѣтъ по выходѣ твоемъ изъ Авдѣевки, они издалека приходятъ къ тебѣ за совѣтами и наставленіемъ.

Въ 1883 г. Промыслъ Божій указалъ тебѣ настоящій приходъ, м. Юзовку. При вступленіи твоемъ Юзовка представляла изъ себя каменистую пустыню и лишь изрѣдка однообразіе пустыни приятно нарушалось клочками доброй почвы. И эта новая нива требовала отъ тебя напряженнаго труда, пастырскаго опыта и большой любви къ людямъ. И здѣсь труды твои принесли сторичный плодъ. При входѣ твоемъ въ Юзовку не было здѣсь нарочитаго мѣста для прославленія Бога, не было храма, ты совершалъ богослуженіе въ твоей незатѣйливой квартирѣ. Черезъ 15-ть лѣтъ пустыня процвѣла яко кринь: величественный храмъ сей, и церковь-школа, и школы въ приходѣ, и Попечительство и Братство въ приходѣ—все это плоды

трудоѡ твоихъ, лучшей памятникъ доблести пастырской, какой ты оставляешь по себѣ.

Какъ храбраго воина на полѣ брани поражаетъ стрѣла, такъ и тебя въ этомъ храмѣ поразила стрѣла болѣзни, приведшая тебя къ могилѣ. Но и исхожденіе твое отмѣчено печатью Промысла Божія: настоящій день знаменателенъ, какъ день твоего Ангела, день рукоположенія твоего и отдыха твоего. Прими-же, незабвенный о. Александре, настоящее и послѣднее наше цѣлованіе и да вчинитъ тя Праведный Судія во дворѣхъ Святыхъ и да сотворитъ тя божественныхъ благъ наслѣдника. Аминь». Предъ выносомъ тѣла изъ храма къ могилѣ замѣстившій о. Александра по приходу, священ. Т—новъ произнесъ: „Въ теченіе моей жизни я два раза встрѣчался съ о. Александромъ. Первый разъ—въ поѣздѣ желѣзной дороги, лѣтъ 13 назадъ; во второй разъ—на исходѣ его изъ этого торжища жизни въ домъ Отчій, въ то время, когда надъ умершимъ совершилось таинство смерти. Въ первый разъ я провелъ нѣсколько часовъ пути въ поѣздѣ въ пріятномъ сообществѣ о. А. Эти немногіе часы духовнаго общенія моего съ о. А. глубоко врѣзались въ моей памяти. Какъ сегодня видѣнный, возстаетъ предо мною величавый образъ о. А. Доброга лица, свойственная лучшимъ русскимъ людямъ, свѣтлый взглядъ очей, присущій людямъ, имѣющимъ упованіе жизни вѣчной, ровный и твердый голосъ, выражающій внутреннюю гармонию души—вотъ обликъ о. А., сохранившійся въ моей памяти. Свѣжесть мысли, юношеская теплота сердца, вниманіе къ себѣ и своему внутреннему человѣку и сознаніе важности пастырскаго достоинства проглядывали во всякомъ словѣ и движеніи о. А. Возвращаясь мысленно ко времени первой моей встрѣчи съ о. А. и переносясь обратно къ настоящему печальному зрѣлищу, я убѣждаюсь въ томъ, что Провидѣніе не безъ цѣли свело меня съ о. А. въ первый разъ, чтобы тѣмъ самымъ приготовить меня и ко второй встрѣчѣ, у сего гроба. Сидя въ вагонѣ съ о. А. мы не могли предполагать, что когда-то я, недостойный, буду замѣстителемъ о. Александра по приходу; еще менѣе можно было думать о томъ, что мнѣ придется напутствовать моего предмѣстника въ загробный міръ. Во истину неизслѣдимы пути Господни.... Но не вѣнокъ плести умершему изъ слабыхъ словъ человѣческихъ, ни созидать памятника изъ нечистыхъ похвалъ человѣческихъ рѣшился я у сего гроба. Нѣтъ, я позволилъ себѣ лишь воскресить въ своей памяти образъ о. А., подѣлиться съ предстоящими тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое отъ умершаго сохранилось въ моей душѣ. Человѣкъ человѣку рознь, говоритъ му-

длость народная. Есть люди, съ которыми встрѣчаемся ежедневно и образъ которыхъ, подобно волнѣ морской, не оставляетъ въ душѣ никакого слѣда. И есть люди, при встрѣчѣ съ которыми, образъ ихъ глубоко залегаетъ въ душѣ. Такой крупной натурой былъ о. Александръ. Образъ его крупными штрихами, рельефно запечатлѣлся въ душѣ того, кто встрѣчался съ нимъ. Наше время—особенное, это время матеріализма, всеобщей страсти къ наживѣ. Законная для каждаго забота о кускѣ хлѣба какъ-то незамѣтно для сыновъ вѣка сего перешло въ страсть къ наживѣ. Этотъ духъ царить повсюду: нѣтъ званія и сословія, котораго не коснулся-бы сей недобрый духъ,—когда и въ жизни, и въ литературѣ опошлены, поруганы лучшія идеалы христіанства,—многіе изъ пастырей привыкають смотрѣть на свое служеніе какъ на исполненіе обряда, забывъ о нравственномъ значеніи пастырства. Главное достоинство и заслуга усопшаго о. А. были въ томъ, что онъ свято въ душѣ своей хранилъ и высоко въ жизни несъ пастырскій образъ. Дѣло Божіе, служеніе Богу и благодатная помощь людямъ всегда были предметомъ заботъ и усилій о. А.; на матеріальныя приношенія онъ смотрѣлъ, какъ на малозначущій придатокъ къ главному дѣлу. Вотъ въ чемъ сила и величіе о. А. Вотъ чѣмъ привлекъ къ себѣ о. А. сердца этой многочисленной толпы прихожанъ и стяжалъ себѣ память «добраго и любимаго пастыря». Этимъ-же объясняется и то, что о. А. всегда трезвый, воздержный и скромный въ образѣ жизни не оставилъ по себѣ ни палатъ каменныхъ, ни стяжаній многихъ. Единственное, что оставилъ намъ послѣ себя о. А.—это нерукотворенный памятникъ 38 лѣтняго честнаго, искренняго, достойнаго пастырскаго служенія. Присутствующіе здѣсь, возложившіе отъ мѣстнаго еврейства на гробъ о. А. вѣнокъ евреи, и иностранцы свидѣтельствуютъ о томъ, что о. А. былъ христіанинъ по преимуществу, что въ основу своего дѣла о. А. полагалъ христіанскую всепримиряющую любовь, главную, завѣщанную Христомъ силу для обновленія міра и единенія чловѣковъ. Многотысячная толпа прихожанъ усопшаго, принеся къ гробу свои скорбящія объ отошедшемъ сердца и орошающая прахъ почившаго искренними слезами объ утраченномъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что усопшій былъ нелицемѣрный служитель Христовъ, истинно добрый пастырь своего стада. Прослужить 38 лѣтъ пастыремъ въ наше время есть дѣло трудное, выпадающее на долю немногихъ. Пропастьствовать во храмѣ 38 лѣтъ, при широкомъ разнообразіи лицъ, положеній словеснаго стада и стяжать себѣ имя—„пастыря—добраго и уважаемаго“—это есть

жизненная побѣда, заслоняющая собою побѣды знаменитыхъ полководцевъ, — это есть неувыдаемый памятникъ вѣчный. Въ ряду съ такимъ памятникомъ нѣтъ мѣста ни памятникамъ слова человѣческаго, ни памятникамъ издѣлій рукъ человѣческихъ. Въ благоговѣйномъ созерцаніи скромнаго величія сего памятника да умолкнетъ слабое слово человѣческое! Миръ духу и праху твоему, добрый и вѣрный пастырю Христовъ!“.

О. Александръ былъ отличенъ Епархіальнымъ Начальствомъ: имѣлъ установленныя награды до сана протоіерея. Отъ прихожанъ при жизни о. Александру былъ поднесенъ драгоценный крестъ наперсный. Послѣ о. А. въ семействѣ остались жена больная и дѣвица-дочь. Ни денежныхъ средствъ, ни имущества послѣ умершаго не осталось семейству.

Священникъ І. Трухмановъ.